

Вспомнились институтские годы. Мои семидесятые годы. Бурные обсуждения с дымком сигарет «Прима» старшекурсников и любимца всех студентов историко-филологического факультета (тех лет) Рафаила Соломоновича Шнейдермана, старшего преподавателя литературы зарубежных стран, о текущем моменте внутренней обстановки страны и, особо важно,— о литературных новинках в толстых литературных московских и ленинградских журналах. Об очереди в читальном зале нашей библиотеки на журнал «Москва», где опубликовали роман Михаила Булгакова «Мастер и Маргарита». И невероятных слухах об измене Родине невозвращенца, нашего тульского писателя Анатолия Кузнецова, автора известного тогда «Бабьего Яра». Говорили, что из-за него лишились после этого своих постов кто-то из секретарей обкома КПСС и сам начальник местного КГБ. Говорили о премьерсах столичных театров «Современник» и «На Таганке». О невероятно строгой и вроде бы справедливой, грозе студентов, преподавателе кафедры педагогики Баланюк. И еще о многом другом, что волновало будущую «интеллектуальную элиту» советского общества.

Шептались, что выпускник Володя Лифшиц со товарищем 8 ноября 1967 года (50 лет Советской власти), приехав в Москву после бурной встречи юбилея в Туле, на проспекте Маркса (ныне Охотный ряд) встали перед памятником автору «Капитала» на колени, и их не стала задерживать милиция.

Это был своего рода студенческий клуб в перерывах между лекциями и семинарами в первом корпусе на улице Менделеевской тогдашнего педагогического института (ныне университета).

Тогда были «по весне» ажиотажно популярны смотры художественной самодеятельности на факультетах института. На втором курсе мне доверили вести концерт историко-филологического факультета. Вышел на сцену, начал читать стихи однокурсника Коли Завалишина:

Какого цвета ты, Россия?

Каким наполнила меня?

Березки в озере босые,

Или в предзимье зеленыя?

*Твой цвет? А алые гвоздики
С былыми розами поврозь?
Ты — в перелетном птичьем крике,
Где все случилось и срослось!*

А дальше — ступор. Забыл слова. Минутная пауза. Она показалась мне вечно-стью. Но жюри, в котором, кстати, присутствовал непотопляемый в творчески-бюрократических кругах и уважаемый не только в области директор областной филармонии И. А. Михайловский, снисходительно разрешило вести дальше концерт.

Покраснев, к счастью я вспомнил: «*И красный флаг над сельсоветом в твоей исконной синеве!*» Концерт продолжился.

Потом, позднее, Николай Николаевич Завалишин подарил свой сборник стихов «Мое прочтение», где уже не было «Какого цвета ты, Россия?». Сборник точных, порой весьма язвительных литературных пародий. Я сейчас взял его в руки, заново прочитал. И вспомнил его хулигански задорное, неопубликованное:

*Любовь. Она покрепче спирта.
Богатырей бросает ниц.
Налейте мне стаканчик флирта.
Я пью за здравие Блудниц!*

Вот так-то! Знай наших из семидесятых годов.

Или из того же опубликованного сборника:

Валерий Савостьянов:

*У меня в глазах рябило —
Прочитал и обомлел:
В дневнике моей любимой
Нет ни строчки обо мне.
Вот дневник знакомой Нади.
Надо ж, сколько наплела!
Две общественных тетради
Про амурные дела.*

*Том второй. Да где же мера!
Все мужские имена.
Есть про Вову и Валеру,
Но совсем не про меня.*

*Я читаю с кислой миной.
Хоть бы кончился скорей
Дневничок моей любимой.
Впрочем, может, не моей...*

Тогда, в семидесятые, с Валерием Николаевичем Савостьяновым мне не довелось повстречаться. Я познакомился со своим одногодком намного позднее, в Тульском отделении Союза писателей, когда он уже стал маститым поэтом. Лауреатом, дипломантом многочисленных поэтических международных, российских конкурсов и фестивалей и т.д. и т.п.

Короткий отрывок из его стихотворения «Однолюб»:

*Брат, хоть я не привередник,
Мне сегодня тяжело:
Я империи наследник,
Чье название с карт сошло.
Я лишь ей давал присягу,
Ей оружие ковал, кровь свою —
Больному флагу
Для нее переливал.*

*Я любил ее устало,
Мог с устатку нагрубить —
Но когда ее не стало,
Стало некого любить.*

Еще один мой одноклассник, с которым мы в один день получили членские билеты Союза писателей России — Валентин Викторович Киреев. После ухода из жизни известного писателя Глеба Ивановича Паншина, близкого друга патриарха послевоенной поэзии Николая Константиновича Старшинова, он решительно стал лидером в духовной жизни города Новомосковска. Валентин долгие годы руководит им созданным «НЛО» (Новомосковское литературное объединение) и аналогичным объединением в городе Богородицке. Лауреат областных литературных премий им. Льва Толстого и им. Ярослава Смелякова, и прочее, прочее... Киреев чрезвычайно плодovit в своем творчестве. И бессмысленно перечислять список его поэтических сборников. Одно из его многочисленных стихотворений:

КОРНЕВЫЕ СЛОВА

*Умирает деревня — наследие предков.
Города... Города... Как такое стряслось,
Что к исконным корням возвращается редко
Тот, в ком русская стать и мужицкая кость?
Что останется им, нашим дальним потомкам,
Если нынешним русским забыты давно
Корневые слова: волокуша, котомка,
Лепота, перевясло, татарник, гумно...*

*Что останется им, если чаще и чаще
Слышим не «хорошо», а тупое «о-кей»,
Если чуждый язык, ни о чем говорящий,
В Русь внедряется гнусной речевкой своей?*

*Нет, не «вау» кричать наши дети и внуки,
Восхищаясь чуждой побрякушкой, должны —
Есть у нас свой язык,
есть крестьянские руки...*

Тогда, в семидесятые, у нас на истфиле был еще один поэтический хулиган.

Один раз в месяц на одной из стен рядом с аудиторией, где читал «на потоке» свои лекции Шнейдерман, вывешивалась долгожданная факультетская стенная газета «Наша жизнь» форматом чуть ли не в восемь чертежных листов. Не предмет сейчас о

ней рассказывать. Но однажды наряду со стихами Геннадия Бредихина в ней появились короткие строчки:

«У Суворова лицо — чем садятся на крыльцо!» Да еще с дружеским шаржем Гены Бредихина на автора.

Написал это и поместил в стенгазету сам Володя Суворов, филолог из группы «В». Уже потом Владимир Сергеевич, преподаватель русского языка и литературы в школе села «Гремячее», член Союза писателей России, опубликовал, будучи зрелым поэтом:

*У нас была хорошая семья,
Хотя мы вправду жили бедновато...
А что в дому! Три стула, да скамья,
Да из матрасов вылезала вата.
Но было нам плевать на обиход.
На коврики на стенах и подзоры.
Ну, был, конечно, в поле огород
И книжек тьма, пленявших наши взоры.
Не захотел я азбуку пройти,
Поскольку вдруг, усилия утроя,
Я стал читать, примерно, лет с пяти,
Так, сам собой, за братом и сестрою.
Мы книги в дом охапками несли,
Так пчелы копят мед в душистых сотах.
И с той поры от стольких бед спасли
Меня тома в различных переплетах.*

ТРОГАТЕЛЬНАЯ ИСТОРИЯ

*Был снег в морозном дыме...
Носил я сестрино пальто
С кармашками цветными.
Снимал я сестрино пальто,
Сворачивал в комочек,
И гардеробицу просил:
Повесьте в уголочек.
И ликовал я, как никто,
Когда стряслось такое!
Когда купили мне пальто
Отличное! Мужское!
Прощай, потертый воротник,
И пуговиц костяшки,
Подкладки розовенький шик
И желтые кармашки.
И не забыть мне до конца
Тот день под отчим кровом,
Улыбку добрую отца,
Себя в пальтишке новом...*

Когда-то, в девяностые годы, я делал на ГТРК «Тула» свою очередную авторскую программу «Наедине со всеми». И в числе других пригласил на нее свою сокурсницу Наталью Товеровскую, которая когда-то написала в «Нашей жизни» одобрительную рецензию на спектакль факультетского драматического кружка «На

рократизмом советского общества в 80-е годы. И наша «компашка» была сродни его жизненным позициям: Николай Завалишин, Игорь Арясов, соответственно Гусев и автор этих строк.

Игорь с восторгом представил Федора Александровича как уникального поэта — умельца «египетских ночей». Что это такое, я не знал и был ошеломлен умением Гусева слагать рифмованные четверостишья по заказу на любое заданное слово. Уже намного позднее я прочитал стихи в его скромном сборнике «Басовый регистр»:

*Российский сдержанный народ
Хранит исконное терпенье.
Что даст нам новый поворот:
Надежду, горечь, отчужденье?*

*Пока в меня летят плевки,
Каменья злобы не минуют.
Я не сжимаю кулаки,
Хотя душа моя бунтует.*

*Я так воспитан. Всяк мне брат.
И с ним всегда делился кровом.
Так что теперь они хотят?
Быть может, крови?*

*Понять я злобы не могу,
А в сердце доброта все реже...
Себя, как лошадь, запрягу,
А запрягу, так не удержишь.*

Сергей Белозеров завоевал среди журналистской братии характеристику негибаемого борца с правящей бюрократической мафией. Особо он раздражал тогдашнего губернатора Николая Севрюгина. Общаюсь изредка с ним, я не мог представить, что он — самобытный поэт:

*...вот и живешь,
и живешь, и живешь,
плачешь, пророчишь,
смеешься и врешь,
ходишь по городу
с анной карениной,
с тихой улыбкой
стихотвореньиной,
вечно торопишься,
вечно опаздываешь,
и скворцы посвистывают
за пазухой...*

*...зеленоглазый
и деревянный,
принадлежащий
марьеванне,
ты образуешься,
всхлипнешь, разинешься,
екнешь испуганно*

*сердцем резиновым,
руки пустые
и губы сухие —
господи, звезды
сегодня какие!*

Как и он, рано ушла из жизни его разведенная жена Ольга Подъемщикова. На меня она производила впечатление какой-то мятущейся в жизни женщины. Талантливый журналист. Так и не нашла она чего-то своего в сложной жизни конца прошлого столетия.

КНЯГИНЯ ОЛЬГА

*И когда окружили тебя и глумились, смеясь,
я сбежала с порогов и вскинулась в небо,
как птица.*

*Неужели с тобой не увижусь на свете, мой князь?
Неужель не позволят с тобою, мой свете, проститься?*

*Я отмстила врагам, женам, детям их и городам,
я казнила подряд — даже слабых, убогих и нищих,
и застыла — увидела твой укоризненный взгляд,
устремленный с тоской на поруганное пепелище.*

*Пролетели века, я все так же стою у окна,
не видны людям слезы мои. Только слышу ночами:
«Тяжело ли тебе без меня? Как ты княжишь одна?
Милуй их, не казни. Вспоминай меня во дни печали».*

*Этот город — чужой, и почти что — чужая — страна.
Облетели слова, обмелели и души, и реки.
И последняя жизнь не нужна бы была и странна,
но мы встретились, княже, и нас не разлучат веки.*

С Анатолием Николаевичем Филипповым мы познакомились в Приокском книжном издательстве, где он трудился в качестве редактора. Неторопливый, до язвительности ироничный, он подарил мне в 1989 году только что «вышедший в свет» сборник стихов «Метафора печали»:

НЕ ДАЙ МНЕ БОГ ПРОРОКОМ СТАТЬ

*Не дай мне бог пророком стать:
я проникаю в суть —
и по ночам не в силах спать,
а днем не в силах путь
продолжить свой,
но не затем, что я ленив и слаб,
иль новых множество затей
мне путают дела,
и не затем, что нет пути.
Он есть — и путь, и цель,
но по нему нельзя идти,*

*не веря, что в конце,
что в той прекрасной стороне
ждут счастье и покой...*

*Дай бог не быть пророком мне:
не знать про путь другой.*

С Виктором Харлашкиным мы близко общаемся уже около пятидесяти лет. Виктор Георгиевич начинал свою поэтическую карьеру под большим влиянием творчества В. С. Высоцкого. Но со временем он приобрел свое лицо в лирике и в остросоциальных стихотворениях, порой чрезвычайно жестких, но правдивых и искренних. Он — лауреат многочисленных конкурсов и фестивалей патриотической песни, Его стихи опубликованы в 14 странах, в том числе в Дальнем Зарубежье.

ЭШЕЛОН

*Кто-то бросил призыв: «Нет кавказской войне!»
Поделили призы и в Москве, и в Чечне.
Миротворцы стараньем заслужили почет
И народ признание — как наивен народ!*

*А в степи под Ростовом, к полустанку пристав,
Смертью в холод закован самый страшный состав.
Здесь война продолжает монолог свой без слов,
И сердца разрывает матерей или вдов.*

*Те, кто сделал заказ на сто тысяч гробов,
Видят в каждом из нас бессловесных рабов.
И не воины пали для корысти чуждой,
Это мы, кто смолчали, омертвели душой.*

*А в степи под Ростовом, среди донских ковылей,
Смертью запатентован эшелон — мавзолей.
И пустые глазницы неизвестных солдат
В наши мертвые лица с укором глядят.*

В 1969 году на смотре художественной самодеятельности привлек всеобщее внимание своими яркими стихами студент-филолог Александр Ермаков, в будущем главный редактор «Молодого коммунара» и основатель «Тульских известий». Но он по каким-то причинам не публиковался в текущей прессе и не издал самостоятельный сборник. И рано ушел из жизни.

Мне так и не удалось найти какие-либо следы его стихов.

То же самое с Софьей Киселевой (Сонечкой), которая у меня своим тихим голосом и манерой разговора ассоциировалась с феноменом 60-х годов Беллой Ахмадулиной.

Я не собирался делать литературный анализ творчества всех, кого вспомнил в этом эссе. И не собираюсь обсуждать их непростые порой жизненные пути и характеры. Не все они остались преданы поэтической музе. Это жизнь! Но всех их, кто начинал свое творчество в далекие семидесятые годы прошлого века объединяет то, что они все — Личности. Личности, вступившие в большую жизнь в Семидесятые.

И ныне — кого уж нет, а кто со мною рядом!